

Влияние идей панисламизма на внешнеполитические концепции Ирана (от излома ирано-иракской войны до современности)

И. Д. Баскаков

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
ilya_baskakov00@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются внешнеполитические концепции Исламской Республики Иран с панисламской направленностью, разработанные и активно используемые Тегераном в период от излома ирано-иракской войны до современности. Рассматривается отводимое Ирану место в деле консолидации уммы в каждой из концепций с учетом внутри- и внешнеполитической обстановки в различные исторические периоды.

Ключевые слова: Иран, панисламизм, внешнеполитические концепции, транснационализм, лидерство, экспорт революции, исламское пробуждение, новая исламская цивилизация

Для цитирования: Баскаков И. Д. Влияние идей панисламизма на внешнеполитические концепции Ирана (от излома ирано-иракской войны до современности) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 47–54.

Original article

The Impact of Ideas of Panislamism Upon Foreign Policy Concepts of Iran (from the Turning Point of the Iran-Iraq War to the Current Stage)

Ilya D. Baskakov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ilya_baskakov00@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the foreign policy concepts of the Islamic Republic of Iran with pan-Islamic focus, which were developed and actively used by Tehran in the period from the turning point of the Iran-Iraq war and up to the current stage. The place assigned to Iran in the consolidation of the Islamic Ummah in each concept is considered, considering the domestic and international situation in different historical periods.

Keywords: Iran, panislamism, foreign policy concepts, transnationalism, leadership, export of revolution, Islamic awakening, New Islamic civilization

For citation: Baskakov, I. D. (2024). The impact of ideas of panislamism upon foreign policy concepts of Iran (from the turning point of the Iran-Iraq war to the current stage). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 47–54.

ВВЕДЕНИЕ

С момента исламской революции 1978–1979 годов в Иране основной внешнеполитической задачей стало формирование единой мусульманской уммы под эгидой Ирана. Эта задача – стержень иранской внешней политики, основа стратегии государства, т. е. его долгосрочной и целенаправленной деятельности [Belozеров, 2023]. С одной стороны, лидерство Ирана в рамках единой мусульманской уммы – это транснациональная цель для Ирана, ведь она не просто выходит за границы государства, но и мыслится вне государственных границ в принципе, а с другой – «достижение Ираном статуса лидирующего государства среди исламских стран». Достижение двуединой цели лидерства Ирана в рамках единой уммы может реализовываться двумя путями: отдача приоритета транснациональным задачам или национально-государственному развитию. В первом случае Иран посредством активного содействия сплочению мусульман мира мыслит укрепление собственного авторитета и мощи. Во втором – Иран, делая упор на поступательное национально-государственное развитие, предполагает доказать миру эффективность исламской модели развития по собственному образцу. Как отмечает В. И. Сажин, развитие Ирана по исламско-революционной модели – «большой “демонстрационный проект” не только для мусульман, но и для остального мирового сообщества в целом» [Сажин, 2015, с. 296].

В истории внешней политики Ирана после революции соседствует преследование транснациональных целей и национально-государственных интересов. В целом, транснациональные цели и национально-государственные интересы Ирана находятся в тесной взаимосвязи, и в значительной части внешнеполитических акций Тегерана проявляется их синтез. Однако в зависимости от внутривнутриполитической обстановки, объема располагаемых материальных и нематериальных ресурсов, условий международной среды и т. д. в разные периоды делался упор на ту или иную часть двуединой цели достижения лидерства Ирана в рамках единой мусульманской уммы. Превалирующий акцент на транснациональное и национальное во внешней политике Исламской Республики Иран можно проследить через анализ господствовавших в разные моменты развития государства доктрины и концепции. Анализ концепций внешней политики разных периодов также позволит определить, насколько активную роль в формировании единой исламской цивилизации отводили Ирану руководящие лица страны.

В рамках данного исследования будут затронуты лишь те внешнеполитические концепции,

которые были разработаны на изломе и после окончания ирано-иракской войны, ставшей определяющим фактором в истории современного Ирана. По этой причине анализу не будут подвергаться изначальная трактовка концепции «экспорта исламской революции», доктрина «ни Восток, ни Запад» и т. д., а внимание будет уделяться исключительно тем концепциям, в которых присутствует значимый панисламский компонент, поэтому вне исследования останется, к примеру, концепция «конструктивного взаимодействия» М. Ахмадинежада.

ПАНИСЛАМИЗМ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ИРАНА НА ИЗЛОМЕ И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ

Окончание ирано-иракской войны ознаменовало собой неудачу попытки реализации «силового варианта» экспорта исламской революции. Ресурсы постреволюционного Ирана оказались недостаточны для достижения широкомасштабных внешнеполитических целей руководства страны. При этом война позволила сплотить иранский народ, пробудить в нем чувства патриотизма. В послевоенный период Ирану предстояло пройти сложный путь восстановления. Такие обстоятельства указывали на необходимость нахождения баланса компонентов диалектики «национальные интересы и транснациональные цели» Исламской Республики Иран. Транснациональные цели и стремление Ирана стать лидером исламского мира не могли полностью уйти из комплекса политического мышления и идеологии государства, однако их форма и методам предстояло измениться.

Во время ирано-иракской войны, в 1984 году Мохаммад-Джавад Лариджани, являвшийся на тот момент заместителем министра иностранных дел, сформулировал доктрину МАТЕРИ ГОРОДОВ (также известна как концепция УММ АЛЬ-КУРА). Концепция разрабатывалась в условиях продолжавшихся тягот войны, обострения внутренних экономических противоречий. На тот момент главным императивом для руководства страны стала защита суверенитета и сохранение режима исламской республики. В русле высказанного Р. Хомейни тезиса о первостепенной необходимости сохранения режима в Иране и была разработана доктрина Лариджани [Хани, 2014].

Разработанная Лариджани доктрина базировалась на религиозной концепции «матери городов», которую в исламе применяют по отношению к священному городу Мекка. Согласно задумке Лариджани, концепция переносилась на реалии мировой политической ситуации и предполагала, что одно из исламских государств может служить лидером всех стран исламского мира. После

Исламской революции таким государством, согласно Лариджани, стал Иран [Халили, Абасси Хошкар, 2015]. Становление Ирана как центра исламского мира предполагало, что Духовный лидер страны руководит не только иранским народом, но и всей мусульманской уммой; а все мусульмане, в свою очередь, должны принять попечительство руководителя Ирана. Победа или поражение Исламской Республики Иран в рамках концепции «матери городов» считалась победой или поражением всего исламского мира [Хани, 2014].

Важным аспектом представленной концепции было то, что в случае противоречий между интересами «матери городов» и интересами мусульманской уммы, интересы уммы первостепенны. Однако это исключало те случаи, когда существовала угроза исламскому режиму в Иране, т.е. доктрина «матери городов» не исключала экспорт революции как центральный элемент внешней политики Ирана, а дополняла его замечанием о приоритетной необходимости сохранения внутренней стабильности в самом Иране [Халили, Абасси Хошкар, 2015]. Руководство Исламской Республики Иран могло и дальше формировать свою внешнюю политику на основе экспорта революции (будь то ее экспорт в силовой или несиловой ипостаси), но получала возможность объяснять воздержание от более активных действий за рубежом потребностями сохранения существования и стабильности режима.

Доктрина МАТЕРИ ГОРОДОВ теоретически оформила транснациональные цели Тегерана в отношении исламской уммы [Хани, 2014]. По этой причине концепция вызвала подозрения у мирового сообщества, которое расценило ее как очередной пример концептуального объяснения интервенционистских амбиций Тегерана¹. В реальности же на тот момент Иран был ограничен в своих ресурсах, и предложенная Лариджани доктрина, пусть и не исключая идеологически обоснованных внешнеполитических акций, смещала акцент в сторону жизненно важных интересов национального развития.

Доктрина МАТЕРИ ГОРОДОВ позволила найти баланс между двумя крайними позициями касательно курса внешней политики Ирана: «способствованием усилению борьбы за спасение угнетенных народов во всем мире» (данный тезис присутствует в преамбуле Конституции страны) и отказом от наступательного экспорта собственных идей во внешнюю среду. Два данных взгляда на методы осуществления экспорта исламской революции были выражены двумя основными идейными группами в среде иранского духовенства.

Сторонники более радикального взгляда настаивали на необходимости широкой поддержки угнетенным народам. Более прагматичные представители истеблишмента выступали за невмешательство в дела прочих государств и мирную пропаганду идей исламской революции [Дунаева, Мамедова, 2011]. Внешне-политическая доктрина «матери городов» позволяла руководству Ирана занять нейтральную позицию между двумя крайними точками зрения. Новая концепция постулировала, что в краткосрочной перспективе национальные интересы и внутренние потребности императивны, а в долгосрочной перспективе преобладают всемирные цели ислама [Халили, Абасси Хошкар, 2015]. Характерно, что сам термин «национальные интересы» был добавлен в Конституцию Исламской Республики лишь после ее пересмотра в 1989 году, т.е. уже после окончания ирано-иракской войны [Хандогин, 2011].

Еще одним трендом во внешней политике Ирана после окончания войны с Ираком стал переход к *экспорту исламской культуры*. Он, в свою очередь, был значимой составляющей экспорта исламской революции. В культурные представительства при посольствах Ирана в странах мира направлялись проповедники исламской культуры, ключевым инструментом экспорта революции культурным путем также являлся хадж [Юртаев, 2018]. Влияние концепции МАТЕРИ ГОРОДОВ и акцент на экспорт исламской культуры нашли отражение в разработанном в 1993 году при президенте Рафсанджани плане внешней политики страны на 1994–2000 годы. Первые два принципа в плане были посвящены необходимости обеспечения безопасности и территориальной целостности Ирана, после которых следовал пункт о защите всех мусульман мира. Четвертым пунктом в плане шел упор на пропаганду исламской культуры за рубежом [Ушаков, 1999].

Формальная смена основной формы экспорта исламской революции с силового на несиловой и провозглашение концепции МАТЕРИ ГОРОДОВ подвели черту под ранним постреволюционным периодом иранской внешней политики. Подобно буржуазно-демократической революции во Франции XVIII века и социалистической революции в России в начале XX века, ранний этап существования исламистского режима в Иране характеризовался активными попытками трансформировать внешнюю среду, дабы сформировать более благоприятный политический ландшафт. В последующий период в Иране произошла переоценка собственных материальных и нематериальных ресурсов и последовал переход к более прагматичной внешней политике, нацеленной, в первую очередь, на национальное развитие.

¹Oh Brother Where Art Thou?

URL: <http://irdiplomacy.ir/en/news/1928474/oh-brother-where-art-thou->

Несмотря на общий дрейф в сторону прагматизации, Иран в 1990-е годы продолжал в отдельных случаях пытаться реализовывать экспорт исламской революции с вовлечением военно-политической сферы. Так, Тегеран предоставлял военную и финансовую помощь Судану, вставшему на путь исламизации. Видя в Судане перспективный форпост распространения идей исламской революции среди суннитов, Иран поставлял вооружения в данную страну, создавал тренировочные лагеря для проиранских сил. В духе идей *экспорта революции* действовал Иран также в ходе распада Югославии, создавая тренировочные центры и снабжая оружием боснийских мусульман [Хандогин, 2011]. Духовный лидер Ирана А. Хаменеи видел в появлении новых независимых мусульманских государств на территории бывшего СССР результат начатого в ходе иранской революции пути и призывал к единству всех последователей ислама в мире. В своей риторике иранское руководство, тем не менее, настаивало на использование инструментов исключительно «экспорта исламской культурной революции» [Ушаков, 1999].

ИДЕИ ПАНИСЛАМИЗМА В КОНЦЕПЦИЯХ ИРАНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Иран подошел к рубежу веков, выстраивая свою внешнюю политику на основе концепций несилового экспорта исламской революции и национального развития на основе исламской модели для демонстрации ее успешности окружающему миру. Международная среда также проходила через череду важнейших трансформаций. Мир перешел от состояния биполярной системы международных отношений в период однополярности. Данная метаморфоза характеризовалась существованием одного главного центра силы на глобальном уровне в лице США. В этих условиях сильный резонанс вызвала идея Сэмюэла Хантингтона о «столкновении цивилизаций» как ключевой черте миропорядка после окончания Холодной войны.

Ответом на теорию Хантингтона стала выдвинутая новым президентом Ирана Мохаммадом Хатами концепция ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ (*перс.* гофтогу-йе тамадонха). М. Хатами изложил свои взгляды на диалог цивилизаций в целом ряде письменных работ и выступлений, включая выступление на 53 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Комплексная концепция М. Хатами предполагала ряд последовательных элементов:

«1) диалог внутри мусульманского мира, 2) диалог мусульманского мира с западной (христианской) цивилизацией, 3) диалог с другими цивилизациями (конфессиями)» [Дружиловский, 2003, с. 37].

Таким образом, в концепции Хатами выделялось два основных направления – *сплочение исламской цивилизации и междоцивилизационный диалог*.

Концепция ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ стала логичной эволюцией воплощения панисламских ценностей Ирана в условиях нового глобального баланса сил и прагматизации политики Тегерана. Выдвинув концепцию ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ, Иран вновь принимал на себя роль лидера всего мусульманского мира, формируя дискурсивное поле от лица всех стран исламской цивилизации. Поэтому новая концепция, хоть и имела гораздо более интернациональный посыл и была направлена на все страны мира, дополняла идею «матери городов». С. Б. Дружиловский подчеркивает, что в результате реализации концепции ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ Иран планировал добиться достижения цели «сближения и объединения всех мусульманских народов в единую мусульманскую умму», формирования «новой политической системы – “исламского гражданского общества”» [Дружиловский, 2003, с. 38].

Хатами пробыл на посту президента два срока, в период с 1997 по 2005 год. Выдвинутая Хатами концепция прошла лейтмотивом через весь его первый срок до 2001 года. Однако впоследствии данная концепция оказалась под сильным ударом в результате интервенций США в сопредельные Ирану страны. В 2001 году международная коалиция во главе с США начала операцию по борьбе с терроризмом в Афганистане. В 2003 году США и их союзники вторглись в Ирак. Несмотря на то что отношения Ирана как с руководством Исламского Эмирата Афганистан, так и с Саддамом Хуссейном были непростыми, вмешательство внерегиональных сил и расширение военного присутствия США по границам Исламской Республики оказали влияние как на стратегическое мышление Тегерана, так и на продвигаемые им концепции. В последующие годы концепция ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ постепенно перестала превалировать в дискурсе Ирана.

Избрание следующего президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в 2005 году представляло собой определенный разрыв с устоявшейся системой теократической государственности в стране. В отличие от предыдущих президентов Ахмадинежад не имел религиозного сана. Период двух сроков президентства Ахмадинежада (до 2013 года) отметился конфликтом представляемых президентом политических сил и института духовного лидера. Исследователи отмечают, что данный конфликт был выражением столкновения двух традиций в иранской политике: иранского национализма и шиитской исключительности [Лукоянов, 2011]. Данная тенденция указывает на то, что в устоявшейся формуле выражения диады

национальных и транснациональных интересов усиливалось напряжение. Стоявшие за Ахмадинежадом силы выступали за дальнейшее смещение акцента на национально-государственную сущность Исламской Республики Иран.

При Ахмадинежаде концепция экспорта исламской революции была относительно реанимирована [Хандогин, 2011]. Однако идея «всемирной исламской революции», не утратившая своего значения и в ранние постреволюционные годы, для иранских консерваторов в лице Ахмадинежада была утопична. Гораздо важнее в данный период для руководителей Ирана стало построение «сильного государства», выведение страны на уровень региональной сверхдержавы на пространстве Среднего и Ближнего Востока посредством опоры на шиитский фактор и экономическое сотрудничество [Краснов, 2011]. Транснациональные цели во внешней политике уступали место интересам национально-государственного развития, становились их инструментом.

ИДЕИ ПАНИСЛАМСКОГО ЕДИНСТВА В АКТУАЛЬНЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ИРАНА

В 2010–2011 годах страны Ближнего Востока и Северной Африки охватили массовые протесты и демонстрации, ставшие известными под названием «арабской весны». Высшее руководство Исламской Республики Иран представило свою трактовку процессов, происходивших в регионах ее непосредственных интересов. Так аятоллой Али Хаменеи была сформулирована концепция «исламского пробуждения» (*перс.* бидари-йе эслами), ставшая магистральной во внешнеполитической риторике Тегерана во втором десятилетии XXI века.

Основной целью процессов «исламского пробуждения», согласно А. Хаменеи, является существование ислама и норм шариата в качестве фундамента жизни людей [Баранов, 2014], прогресс в его исламском понимании [Баранов, 2013]. Вместе с тем успех «Исламского пробуждения» позволил бы положить конец вмешательству внерегиональных сил, в частности США, в дела стран Ближнего Востока и предоставил бы населению мусульманских стран подлинную независимость. В результате вновь по аналогии с предыдущими концепциями Исламской Республики Иран (ИРИ) было бы достигнуто единство всех мусульманских народов под эгидой Ирана [Баранов, 2014].

В отличие от концепции «экспорта революции», господствовавшей в дискурсе иранских руководителей в 1980–1990-е годы, идея «исламского

пробуждения» не предполагает активную наступательную политику ИРИ по трансформации исламского мира, а скорее результат тех внутренних процессов, которые определены ходом развития мусульманских стран [Баранов, 2014]. В этом отношении концепция «Исламского пробуждения» развивает линию «матери городов», еще сильнее сокращая обязанности, которые в рамках глобальной исламской уммы несет руководство Ирана. Ведь Иран в рамках данной концепции уже успел сыграть ключевую роль в «исламском пробуждении», продемонстрировав Исламской революцией пример радикальной политической трансформации на основах ценностей ислама.

Исследователи подчеркивают заложенные в концепции ИСЛАМСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ «идеи полицентричности возникновения данного феномена, а также естественного хода его развития без опоры на шиитский ислам» [Филин, Кокликов, Медушевский, 2019, с. 207]. Это был важный фактор не только в контексте общей тенденции к прагматизации внешней политики Ирана на протяжении 1990–2000-х годов, но и попытка препятствовать распространению опасений стремления Тегерана сплотить вокруг себя мусульман-шиитов и усилить раскол по конфессиональной линии шиизма-суннизма. Фактически «исламское пробуждение» вновь акцентировало внимание на глобальной общности мусульман в восприятии Ирана в противовес росту популярности идей «шиитского полумесяца», которые активно усилились в силу проводимой при М. Ахмадинежаде внешней политики с опорой на шиитский фактор.

Исламская Республика Иран продолжает стремиться стать лидером всей мусульманской уммы [Баранов, 2013], однако в рамках «исламского пробуждения» руководство ИРИ не ставит узкие рамки для политического развития прочих стран Ближнего Востока. Главное к ним требование – это следование нормам ислама. Сама же модель политико-религиозного развития вовсе не обязана быть идентичной режиму Исламской Республики в Иране. Иранский путь развития в данной концепции – «некий зримый пример для подражания и руководства» [Баранов, 2014, с. 5].

В программном заявлении А. Хаменеи касательно текущего состояния и перспектив развития иранского государства на протяжении следующих 40 лет под названием «Второй этап революции», выпущенном в 2019 году, Духовный лидер Ирана вернулся к идее «исламского пробуждения»¹. В разделе, посвященном внешней политике государства, отмечено, что одной из важнейших особенностей развития современной мировой политики является новая волна движения

¹URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673>

«Исламского пробуждения» на основе модели сопротивления доминированию США и Израиля.

Вместе с тем во «Втором этапе революции» присутствует упоминание еще одной ключевой концепции, несущей в себе печать идей панисламизма – речь о концепции «новой исламской цивилизации» (*перс.* тамадон-э новин-э эслами). В задачи революционного Ирана включается амбициозная цель цивилизационного строительства (*перс.* тамадонсази). Обращаясь в первую очередь к молодым поколениям иранцев, которым суждено реализовать внешнеполитический курс Ирана в грядущие десятилетия, Духовный лидер указывает, что на них возлагается задача по приближению формирования «новой исламской цивилизации». Давая разъяснения по вопросу сущности концепции, А. Хаменеи в 2019 году выделял несколько этапов на пути к реализации «новой исламской цивилизации»¹. Первым шагом является отсутствие взаимной агрессии между странами исламского мира. Второй шаг – объединение исламского мира против общего внешнего врага. Следующий шаг – сотрудничество мусульманских государств в различных областях, например, в сфере науки и безопасности. Наконец, финальная ступень – объединение всего мусульманского мира для формирования «новой исламской цивилизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно выделить несколько важнейших особенностей эволюции внешнеполитических концепций Исламской Республики Иран. Наиболее важная из этих особенностей – тенденция к прагматизации. Не отказываясь от идеи «единой мусульманской уммы» или сплочения «исламской цивилизации», Иран всё чаще делает акцент на собственном национально-государственном развитии. Если в ранний постреволюционный период Иран стремился стать лидером исламского мира посредством активного воздействия на внешнюю среду, то сегодня руководство страны делает ставку на реализацию успешной модели развития по

исламской модели, которая сможет вдохновить другие народы.

Другая важная особенность – значительное влияние глобальных и региональных событий на формулировку внешнеполитических концепций. Окончание ирано-иракской войны и снижение напряженности в отношении Ирана способствовали отходу от идеи о силовом варианте экспорта исламской революции и переходу к экспорту ее через культуру. Окончание холодной войны и ускорение процессов глобализации нашло отражение в концепции ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ с присущей ей идеей «исламского гражданского общества». Последующий же рост военно-политических угроз в отношении Ирана на пространстве Ближнего Востока вывел из обихода концепцию ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ и привел к короткому по времени возвращению Ирана к концепции ЭКСПОРТА ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, но уже как инструменту укрепления собственной национальной мощи. События «арабской весны», в свою очередь, вывели в центр дискурса идеологему «исламского пробуждения».

Стоит отметить также тот факт, что внешнеполитические концепции и доктрины в Иране выдвигаются представителями различных институтов. Это может быть Духовный лидер (рахбар), как в случае с идеей «исламского пробуждения». Также ответственным лицом может быть представитель республиканской институции – президент или представитель министерства иностранных дел (как было с концепциями ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ и МАТЕРИ ГОРОДОВ соответственно).

Констатируем тот факт, что в основе всех панисламских концепций Тегерана лежит базовое представление о стремлении превратить Иран в лидера единой исламской уммы. В концепциях меняются формулировки данной идеи, закладываются разные посылы о том, насколько активную роль Иран должен играть в конкретный период в процессах консолидации исламского мира. Различаются указания относительно того, каким именно путем Иран способен реализовать свою амбициозную цель. Однако в сердцевине многочисленных внешнеполитических концепции схожи и лишь отражают непрерывный процесс адаптации идеологии Исламской Республики Иран к реалиям международной среды.

¹URL: <https://farsi.khamenei.ir/newspart-index?tid=2634#86264>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Belozarov V. K. Strategy as a Political Phenomenon and Concept // RUDN Journal of Political Science. 2023. № 2. P. 368–376.
2. Сажин В. И. Национально-психологические особенности населения Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. Вып. 9. С. 291–296.

3. Хани Х. Панисламский вектор во внешней политике Исламской Республики Иран; сравнение доктрин «Ум аль-Кора» и «усиленное взаимодействие» // Стратегические политические исследования. 2014. Вып. 3 (8). С. 9–30. (На перс.)
4. Халили М., Абасси Хошкар Э. Анализ триады внешнеполитических концепций Исламской Республики Иран – Ум аль-Кора, иранская цивилизация и коалиция. Политические и международные исследования. 2015. Вып. 6 (21). С. 183–218.
5. Дунаева Е. В., Мамедова Н. М. Особенности формирования внешней политики ИРИ // Институт Ближнего Востока. 2011. 14 февраля. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12154>
6. Хандогин К. Ю. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х гг. // Власть. 2011. Вып. 11. С. 167–169.
7. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.
8. Ушаков В. А. Иран и мусульманский мир 1979–1998 гг. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
9. Дружиловский С. Б. Мировое сообщество и новая внешнеполитическая концепция Ирана // Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции. 2003. С. 36–42.
10. Лукоянов А. Шиизм и великодержавность // Россия в глобальной политике. 2011. Вып. 3. С. 132–141.
11. Краснов К. «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана // Россия и мусульманский мир. 2011. Вып. 12. С. 112–119.
12. Баранов А. В. «Исламское пробуждение» и «арабская весна»: внешнеполитическая доктрина исламской Республики Иран // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Вып. 3. С. 71–77.
13. Баранов А. В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. Вып. 9. С. 190–204.
14. Филин Н. А., Кокликов В. О., Медушевский Н. А. Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. Вып. 2. С. 98–109.

REFERENCES

1. Belozеров, V. K. (2023). Strategy as a Political Phenomenon and Concept. RUDN Journal of Political Science, 2, 368–376. (In Russ.)
2. Sazhin, V. I. (2015). National-psychological features of the population of Iran. Islam in the Near and Middle East, 9, 291–296. (In Russ.)
3. Hani, H. (2014). Pan-Islamic vector in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran; comparison of the doctrines of “Um al-Qora” and “enhanced interaction”. Strategic Policy Studies, 3(8), 9–30. (In Persian)
4. Khalili, M., Abassi Khoshkar, E. (2015). Analysis of the triad of foreign policy concepts of the Islamic Republic of Iran – Um al-Qora, Iranian civilization and coalition. Political and international studies, 6(21), 183–218. (In Persian)
5. Dunayeva, E. V., Mamedova, N. M. (2011, February 14). Features of the formation of foreign policy of the IRI. Institute of Middle East. <http://www.iimes.ru/?p=12154> (In Russ.)
6. Khandogin, K. Yu. (2011). Evolution of the concept of export of the Islamic Revolution in the context of foreign policy of IRI in the 1990s. Vlast, 11, 167–169. (In Russ.)
7. Yurtayev, V. I. (2018). Islamizacia kak faktor vneshney politiki irana = Islamization as a Factor of Iran's Foreign Policy. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
8. Ushakov, V. A. (1999). Iran i musulmanski mir 1979–1998 = Iran and the Muslim World 1979–1998. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East. (In Russ.)
9. Druzhilovsky, S. B. (2003). The world community and the new foreign policy concept of Iran. Iran: dialog civilizatsiy (pp. 36–42): conference materials. (In Russ.)
10. Lukoyanov, A. (2011). Shiism and Great Power. Russia in Global Politics, 3, 132–141. (In Russ.)
11. Krasnov, K. (2011). “Diplomacy of justice” in Iran's foreign policy. Russia and the Muslim World, 12, 112–119. (In Russ.)
12. Baranov, A. V. (2013). “Islamic Awakening” and “Arab Spring”: foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran. Izvestia Saratov University. New series. Series: History. International relations, 3, 71–77. (In Russ.)
13. Baranov, A. V. (2014). The concept of “Islamic awakening” of Ayatollah Ali Khamenei. History and Historical Memory, 9, 190–204. (In Russ.)

14. Filin, N. A., Koklikov, V. O., Medushevsky, N. A. (2019). The concept of "Islamic awakening" as a foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran in the XXI century. Vestnik RSUH. Series: Political Science. History. International relations, 2, 98–109. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баскаков Илья Дмитриевич

младший научный сотрудник

Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baskakov Ilya Dmitrievich

Junior research fellow

at the Department of the Middle and Post-Soviet East

of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.10.2023
23.11.2023
14.03.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication